

МЕМОУАРЫ

П. П. Семенова-Тян-Шанского

Том V

П. П. Семенов-Тян-Шанский
Его жизнь и деятельность
1827–1914

КУЧКОВО ПОЛЕ

Москва
2018

УДК 08:94(47)
ББК 63.3(2)-8
С30

Издание подготовлено
в рамках совместного издательского проекта
Всероссийской общественной организации
«Русское географическое общество»
и издательства «Кучково поле»

С30 Семенов-Тян-Шанский, Петр Петрович
Мемуары: в 5 тт. Т. 5 (дополнительный). Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский: его жизнь и деятельность. 1827–1914 / авт. Ю. М. Шокальский и др. — М.: Издательство «Кучково поле», 2018. — 288 с.: 16 л. ил. — (Золотой фонд Русского географического общества)

ISBN 978-5-9950-0887-3

Пятый том настоящего издания посвящен жизни, научной, культурной и общественной деятельности географа, путешественника и государственного деятеля Петра Петровича Семенова-Тян-Шанского (1827–1914). Основу тома составляет памятный сборник Русского географического общества (под редакцией А. А. Достоевского), изданный в 1928 г. В этот том также вошли специально подготовленные для данного издания очерк и библиография трудов П. П. Семенова-Тян-Шанского и ранее не публиковавшиеся материалы из Научного архива Русского географического общества.

Книга предназначена широкому кругу читателей, интересующихся историей России XIX–XX вв., а также историей отечественной науки.

УДК 94(47)
ББК 08:63.3(2)-8

ISBN 978-5-9950-0887-3 (т. 5)

© Русское географическое общество, 2018

ISBN 978-5-9950-0890-3 (общий)

© ООО «Издательство «Кучково поле», 2018

ВСТУПИТЕЛЬНОЕ СЛОВО

Ю. М. Шокальский*

Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский в течение 41 года был бессменным вице-председателем Русского географического общества, т. е. главным руководителем всей его деятельности, всех его начинаний.

За этот промежуток времени Географическое общество упрочило за собою славу одного из крупнейших географических учреждений всего мира. Именно в это время совершен был цикл громких экспедиций в Центральную Азию, давших столь обширные результаты для познания мало или совсем неизвестных и открытых научному миру стран, сопредельных с Россией. Были завязаны крепкие дружески-научные отношения с научным миром Европы и Америки. Бесчисленное множество менее крупных экспедиций и просто научных поездок покрыли густой сетью своих исследований по всем отраслям географической науки всю нашу обширную страну и дали материал для подробного научного ее изучения. Целым рядом великолепных изданий и беспрестанным распространением правильных сведений о научных достижениях в области географии Географическое общество проявило широкую культурно-просветительную деятельность. Именно в недрах Географического общества того времени зародилась мысль о необходимости учреждения кафедр географии в университетах, в настоящее время окончательно окрепшая в руководящих воспитанием юношества кругах.

* Юрий Михайлович Шокальский (1856–1940) — генерал-лейтенант, географ, океанограф, картограф. Действительный (с 1882) и почетный (с 1928) член РГО; член Совета РГО (1902–1906); секретарь (1886–1902), помощник председателя (1902–1906), председатель (1906–1914), и.о. председателя Отделения географии физической РГО (1920–1921); вице-председатель (1914–1917), председатель (1917–1931), почетный председатель (1931–1940) РГО. Лауреат малой золотой медали РГО (1888) за статью «Свободное государство Конго». — *Прим. ред.*

Столь блестящей своей деятельностью Географическое общество обязано, конечно, его бывшему руководителю.

Серьезно и всесторонне образованный, блестяще талантливый, неутомимо энергичный, беззаветно преданный родному ему Географическому обществу, а главное — изумительно трудоспособный, Петр Петрович не покладал рук на преуспеяние Географического общества.

Для нас, старых работников в Обществе, имена Петр Петрович и Географическое общество нераздельны.

Мы, его сотрудники и ученики, безгранично ему обязанные и в науке, и в жизни, свято чтим его память.

Но мы ужеходим со сцены... Идут молодые силы географов, и мы хотим передать память о Петре Петровиче этому юному поколению. Именно с этой целью совет Общества решил издать в год столетия со дня рождения Петра Петровича предлагаемый сборник статей о его жизни и деятельности.

Люди воспитываются не проповедями и не нравочениями, а примерами. Жизнь же Петра Петровича есть блестящий пример того, какую огромную пользу приносит человек непрерывным своим трудом, умением использовать каждую свою способность и твердой волей достигать поставленную себе задачу.

Да послужит же трудовая жизнь Петра Петровича примером юному поколению.

* * *

Совет Государственного Русского географического общества очень обязан нижепоименованным лицам за их безвозмездный труд, выразившийся или участием в Сборнике или содействиям при его составлении и искренно благодарит за это: Льва Семеновича Берга, Карла Ивановича Богдановича, Константина Яковлевича Грота, Григория Ефимовича Грум-Гржимайло, Владимира Леонтьевича Комарова, Владимира Ивановича Ковалевского, Николая Ивановича Кузнецова, Николая Яковлевича Кузнецова, Евгения Григорьевича Лисенкова, Илью Петровича Мулзина, Андрея Петровича и Вениамина Петровича Семеновых-Тян-Шанских, Джемса Альфредовича Шмидта, Александру Петровну Шнейдер, Якова Самойловича Эдельштейна и Андрея Андреевича Достоевского, составителя биографического очерка и редактора всего издания.

Совет Общества приносит благодарность также учреждениям, материалами которых приходилось пользоваться: Пушкинскому Дому Академии наук СССР, Ленинградскому отделению Центрархива.

ПЕТР ПЕТРОВИЧ СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ*

С. Ф. Ольденбург**

Всем памятна характерная фигура на знаменитой репинской картине, большая седая львиная голова, но далеко не все уже в сегодняшнем собрании знали лично того, с кого писал Репин; для большинства это образ из далекого прошлого: государственный деятель, путешественник, географ, ботаник, энтомолог, статистик, историк искусства — редкий энциклопедист. Но то, что, м[ожет] б[ыть], было самым примечательным в этом человеке — его исключительная культурность — об этом знают только те, кому дано было общаться с ним, те, кто видел его дома и среди людей, кто слушал его, говорил с ним. В лихорадочной и потому значительно упрощенной жизни наших дней культуре и культурности не приходится уделять много времени: дни проходят в непрерывном действии, повседневная печать заменила книгу, и среди книг брошюра заняла тоже место «томов». Мы усиленно сокращаем нашу речь, создавая часто просто вереницу букв, это неизбежно и это нужно, п[отому] ч[то] иначе нам не справиться с нахлынувшими на нас задачами, но в этом и большая опасность обеднения жизни, опасность, которую мы, несомненно, недостаточно учитываем. Ведь на самом деле жизнь делается и шире, и богаче, и разностороннее и благодаря

* Статья С. Ф. Ольденбурга не была помещена в Сборник 1928 г. и хранилась в Научном архиве РГО; она представляет собой запись его речи, произнесенной на торжественном заседании. Рукописный оригинал хранится в Научном архиве РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 69. Л. 1–7. — *Прим. ред.*

** *Сергей Федорович Ольденбург* (1863–1934) — востоковед, академик и бессменный секретарь Российской академии наук и Академии наук СССР. Член-сотрудник (1893), действительный (с 1896) и почетный (с 1933) член РГО; член Совета РГО (1900–1904, 1905–1909, 1913–1916, 1931–1934), председатель Отделения этнографии РГО (1910–1912). — *Прим. ред.*

громадным достижениям науки, и особенно благодаря тому, что так сильно и быстро раздвигаются рамки мыслящего и сознающего человечества, что массы вошли в жизнь. Этот массовый приток новых сил, конечно, создал и много осложнений, ибо массы эти, раньше стоявшие далеко от общей культурной жизни, не могут сразу освоиться с нею. Тем сильнее обязательство тех, кто близко стоял раньше к широкой культурной жизни, не даватьглохнуть в себе этим жизненно необходимым элементам, и потому память о таких исключительных в культурном отношении людях, как Петр Петрович, имеет в наши дни совершенно особенное значение.

Что больше всего поражало и восхищало нас, знавших этого человека близко? Его изумительный подход ко всем ее сторонам; простое и неинтересное для других под его пытливый взор становилось сложным и значительным. Не помню, кто сказал как-то, что у Петра Петровича глаза — микроскопы, которые видели то, что было скрыто от других. Благодаря мемуарам П[етра] П[етровича] мы можем проследить в нем эту черту с очень ранних пор, я не говорю уже о незаурядной и широкой наблюдательности мальчика; с университетской скамьи за границей у молодого Семенова мы видим проявление этого исключительного стремления идти и в глубину, и в широту. Недаром его учитель и герой его юношеских мечтаний знаменитый географ Риттер на портрете, подаренном П[етру] П[етровичу], поставил свой девиз, ставший и любимым девизом жизни его ученика:

*Wer ins unendliche nill sehreiten
Gebe nur im Endlichen nach allen Seiten*.*

Этому девизу молодого студента остался верен и старик до последних дней своей жизни.

Перед вами сегодня пройдут картины его разнообразнейших научных достижений, и все-таки это будет только частица того, что наблюдал, над чем думал, что проверял и исследовал этот замечательный человек; и, что особенно важно отметить, — эти все занятия не были скольжением дилетанта по поверхности предмета: Петр Петрович, как и все почти глубоко талантливые люди, отличался невероятным трудолюбием — его никогда нельзя было застать без дела, даже разговоры его носили всегда характер

бесед на научную или, так сказать, «культурную» тему, чувствовалось всегда, что он не хочет терять ни минуты для того «вхождения во все стороны конечного», которое было его девизом. Мне много раз приходилось видаться с ним по делам, и я помню, как всегда Петр Петрович, кончив чисто деловую часть свидания, затрагивал какой-нибудь научный вопрос, причем любимой темой была Средняя Азия. Характерно также, что значительная часть моментальных снимков Петр Петрович — а фотографы очень любили снимать его оригинальную и столь привлекательную голову — изображают его пишущим или читающим.

А как он любил читать и как интересно было говорить с ним о прочитанном! Читал он на большом числе языков, читал быстро и отлично помнил прочитанное, помнил долго и отчетливо. Эта широкая начитанность красною нитью проходит по всем его работам. Может быть, именно привычке к труду, систематичности работы и большой эрудиции он обязан тем, что не только не мнит он деятельности административной и государственной, как столь многие из его современников, а оставил глубокий след в истории русской культуры. Назидательно в этом отношении вспомнить то, что в своих мемуарах Петр Петрович писал относительно того, как немецкие ученые не могли понять, почему из стольких даровитых русских, работавших в Германии, ничего затем не выходило. С горечью Петр Петрович говорит о тех условиях жизни, тех далеких [18]40-х и [18]50-х гг., говорю его слова, когда «столько людей талантливых пропадало в этой гнетущей борьбе». Он приводит пример молодого талантливого ученого магистра Раймунда Пахта, который, сдав секретарю Географического общества свой экспедиционный геологический отчет, на другой день застрелился, чтобы, как он выразился в посмертной записке, «не прибегать к нищенству для избежания голодной смерти». Да, ученым быть нелегко, даже выдающимся и талантливым. Об этом надо думать и в наши дни и у нас, и даже в богатой Англии, где на последней имперской конференции одной из комиссий было произнесено крылатое слово, что пора поставить ученых хотя бы в положение военных и администрирующих людей, а не считать их легчайшим элементом для сокращения в моменты финансовых затруднений. Мы, близко знавшие Петра Петровича, помним, какую борьбу он выдерживал в старое время за ученых и за культурных работников, треть которых он так близко знал.

Не напрасно же столько лет он работал в Обществе вспомоществования студентам, считая, что обязанность старших — заботиться о молодой сме-

* Имеется в виду афоризм И. В. фон Гёте:

*Willst du ins Unendliche schreiten,
Geh nur im Endlichen nach allen Seiten. — Прим. ред.*

не, которая, часто в голоде и холоде, самоотверженно несет тяжелую работу, чтобы выйти на тернистый путь научного работника. Вспоминая о Петре Петровиче и его неустанной культурной работе, невольно все возвращаешься к этим вечным большим вопросам нашей, и не только нашей, жизни.

Когда говоришь о Петре Петровиче, то как-то трудно отделять периоды его жизни один от другого, настолько молода была душа этого человека и в старости. Читая его мемуары, воспоминания юных лет, и кажется, что говоришь с тем Петром Петровичем, которого знал стариком, — та же широта кругозора, тот же всеобъемлющий интерес. И тут опять из многого хочется остановиться на одном моменте, говорящем о большой наблюдательности Петра Петровича, на моменте, не потерявшем своего значения и в наши дни. Семенов странствует по Германии: перед ним старинные замки, средневековые постройки, и он замечает: «Тут меня поразило различие, говорившее не в пользу моего отечества, а именно, что германцы так тщательно оберегают все памятники своего исторического прошлого... между тем как наши образованные классы того времени... с пренебрежением относились к уцелевшим историческим памятникам». Если бы Петр Петрович дожил до первых лет революции, он мог бы убедиться, что взгляды на исторические памятники переменились, и приветствовал бы то, что было сделано. К сожалению, мы видим сейчас другое отношение к историческим памятникам, похожее на то, на которое жаловался в 40-х гг. прошлого столетия* Петр Петрович, стоит указать на предположение Моссовета о сношении Красных ворот в Москве, это было бы возвратом к далекому и, казалось бы, отжившему прошлому.

Не одни науки влекли к себе Петра Петровича, он увлекался музыкой, а особенно живописью, и здесь видим опять его методичность: он решил не разбрасываться и сосредоточил свое внимание на голландских и фламандских художниках, причем он обратился и к тем второстепенным и даже третьестепенным художникам, которые зачастую отсутствуют в больших галереях, но так важны для полного понимания определенной школы. Галерея, им составленная, одна из замечательнейших в Европе, вошла в Эрмитаж и стала, таким образом, государственным достоянием. Петр Петрович не остался простым собирателем и ценителем, он посвятил несколько работ истории искусства в излюбленной им области, где ему было мало соперников в глубине знания предмета и тонкой его оценке.

* Здесь и далее авторы статей подразумевают под прошлым веком XIX век. В данном случае — 1840-е гг.

Немало сил было отдано Петром Петровичем на популяризацию знания, до сих пор сохраняют свое значение и руководившая им «Живописная Россия», и начатая им «Россия», труд, при своей общедоступности имевший несомненно ценный вклад в нашу научную географическую литературу. Я много мог бы еще привести черт из жизни Петра Петровича и указать на ряд его трудов, свидетельствующих о широком размахе его культурной работы, а ведь это только одна сторона его многогранной деятельности. Но и сказанного достаточно, как мне кажется, чтобы убедиться в том, что П. П. Семенов-Тян-Шанский был большим русским культурным работником. Такие люди помогают другим почувствовать богатство того, что мы зовем жизнью. Они учат нас тому, что богатство это дается только тем, кто ищет знания, стремится к сознательности и упорно работает для того, чтобы усвоить себе достижения науки, которые даются нелегко. Наука требует работы строгости к себе и уважения к свободе мысли. Петр Петрович всю жизнь был ищущим, всю жизнь учился, и оттого он так много нашел и столь многому научился.

П. П. СЕМЕНОВ-ТЯН-ШАНСКИЙ. БИОГРАФИЧЕСКИЙ ОЧЕРК

*А. А. Достоевский**

Петр Петрович был родом рязанец. Его предки — исконные землевладельцы Пронского уезда — жили по традициям и укладу того времени в полной помещичьей обстановке, зачастую столь суровой для крестьянского населения.

Только дед Петра Петровича, Николай Петрович Семенов, сильно тяготившийся вековыми ненормальными экономическими и бытовыми отношениями между крестьянами и дворянами, решил покинуть свое родовое гнездо и завести собственное хозяйство на новом месте на принципах более гуманного отношения к человеку**.

Он провел на военной службе более 20 лет, вместе с суворовскими войсками принимал участие в 37 сражениях и, вернувшись в Россию и выйдя в отставку, поселился было в своем родном Салькове на Проне, но остаться там навсегда не захотел. Обстоятельства помогли его решению перейти на новое место. Он женился на дочери помещика Петра Максимовича Бунина, Марии Петровне. Семья Бунина принадлежала к одним из выдающихся культурных семей XVIII в. Все дети Петра Максимовича по тогдашнему

* *Андрей Андреевич Достоевский* (1863–1933) — географ, ученый-хранитель Пушкинского Дома Академии наук СССР (1925–1930). Действительный член РГО (с 1893); член Совета РГО (1930–1931); секретарь (1901–1903, и.о.; 1903–1914) РГО; помощник председателя Отделения статистики РГО (1929–1933). Лауреат малой серебряной медали РГО (1895) за содействие при составлении «Истории Общества» и малой золотой медали РГО (1930) за труды по составлению и изданию сборника в память П. П. Семенова-Тян-Шанского. — *Прим. ред.*

** Материалом для составления нашего очерка служит литература, приведенная в «Библиографии» в настоящем сборнике. В отдельных случаях источники указываются в тексте. — *Здесь и далее примечания авторов статей, если не указано иное.*

времени получили прекрасное образование и занимали видное положение в передовом обществе Москвы и Петербурга. Одна из дочерей Петра Максимовича, Анна Петровна Бунина, была известной поэтессой, слыла в свое время «российской Сафо» и состояла почетным членом «Беседы любителей русского слова».

Из другой отрасли рода Буниных (Белевской, Тульской губернии) произошел поэт В. А. Жуковский.

Получив за женой приданое, часть села Урусова Раненбургского уезда, Николай Петрович и поселился в этом имении.

Хозяйство его шло хорошо. Гуманное и справедливое отношение к крестьянам, совершенно чуждое своеволию, прихотям и капризам помещика, сделало то, что Николай Петрович пользовался со стороны крестьян не только показным уважением, но и действительную любовью.

Старший сын Николая Петровича, Петр Николаевич, по достижении 12-летнего возраста был отдан в Московский университетский пансион и окончил в нем курс в 1807 г., а затем поступил на военную службу в лейб-гвардии Измайловский полк подпрапорщиком. Это был юноша очень общительного, веселого характера, юморист, необыкновенно подвижной, с большими способностями вообще, с детства обнаруживший склонность к поэтическому творчеству.

Благодаря связям своей тетки писательницы Анны Петровны Буниной он в Петербурге был принят в домах крупных литературных деятелей: А. С. Шишкова, Г. Р. Державина, И. И. Дмитриева и др. На семейных вечерах он участвовал в домашних спектаклях и обращал на себя внимание своею игрой и умением великолепно схватывать типичные черты разных представителей общества. Он написал несколько пародий, например: «Капитан Мартынов» — пародия на оду Державина «Бог», «Митюха Валдайский» — пародия на «Дмитрия Донского» Озерова. Написанное еще в 1817 г., это произведение сначала ходило в многочисленных списках, а потом, в 1861 г., было напечатано в «Библиографических записках». Пьеса эта неоднократно разыгрывалась на солдатском театре Измайловского полка, а другая его пьеса — «Удача от неудачи, или Приключение в жидовской корчме» — шла с громадным успехом на театрах Москвы и Петербурга и в Малороссии. С. Т. Аксаков с большим сочувствием говорит о Петре Николаевиче Семенове в своих воспоминаниях об А. С. Шишкове, а когда Петр Николаевич умер, то в некрологе его о нем говорится как об известном и популярнейшем драматическом писа-

теле. Из других его произведений можно назвать оригинальную идиллию «Свет».

В 1812 г. Петр Николаевич отправился на войну, участвовал в Бородинском и Кульмском сражениях, получил отличие, был два раза в плену, два раза совершал побег и участвовал с русскими войсками в занятии Парижа; для удовлетворения своей любознательности использовал отпуск для поездки в Англию и прослужил в полку еще около пяти лет; по болезни ездил на лечение на кавказские минеральные воды, а в 1822 г. вышел в отставку в чине капитана.

По выходе в отставку Петр Николаевич женился на Александре Петровне Бланк, дочери одного из Бланков, родовитых выходцев конца XVII в. из Южной Франции, ближайшие предки которого были известными зодчими в России. С их именами связаны постройки Меншиковских палат, Симеоновской церкви в Петербурге, Воспитательного дома в Москве и множества других казенных и частных зданий, обывательских домов и церквей. Отец Александры Петровны состоял на государственной административной службе и был помещиком Тамбовской и Рязанской губерний.

Свою мать Александру Петровну весьма образно характеризует ее дочь, Н. П. Грот, сестра Петра Петровича. Она говорит в своих воспоминаниях*: «Маменька, сходясь с отцом моим в нравственном строе и взглядах, была, однако же, совершенно противоположного характера. Ум ее был выдающийся, замечательный для женщины, чувства глубокие и сосредоточенные. Всегда сдержанная, она была молчалива и редко высказывалась. Образ мыслей был утонченно благородный и возвышенный, а привязанность к отцу моему и семье — неизменна. Заботливая, деятельная хозяйка, с большим практическим опытом, она сдерживала пылкость отца и, видя часто его нерасчетливую щедрость и способность увлекаться, умеряла расходы и помогала ему поддерживать хозяйственные дела в порядке. Любя садоводство, она занималась им неустанно. Даже зимою ходили мы с ней по лабиринту нижнего этажа в оранжерее, где она внимательно следила за топкой в цветочном и фруктовом отделениях. Она выписывала редкие растения и луковицы, завела теплицу с ананасницей. Получив для своего времени очень хорошее образование и зная языки французский, немецкий и английский, она переводила с иностранных языков садовые книги и вообще любила чтение и письменные занятия».

* Из семейной хроники. Воспоминания для детей и внуков Наталии Грот. СПб., 1900. С. 17.

Тотчас после женитьбы Петр Николаевич получил в свое полное управление поместье отца. Ему открылась обширная деятельность по экономическому устройству края и по улучшению быта крестьян, и он всецело отдался этой деятельности. Ему, между прочим, принадлежит детально разработанный проект соединения посредством канала притоков р. Оки с притоками Дона, т. е. соединения двух систем Волги и Дона — вопрос, который занимал общественное мнение еще при Петре Великом и теперь, в наши дни, подымается вновь.

Вращаясь в кругу передового общества, принадлежа к Союзу Благоденствия, он еще в Петербурге, будучи на военной службе, мечтал о проведении в жизнь тех гуманных начал, которыми жили тогда все лучшие люди России. Пешеходные странствования по Германии и Франции во время войны, двукратное пребывание в плену, поездка в Англию дали ему возможность ознакомиться с заграничными порядками как общественной, так и бытовой жизни, а личные свойства характера как нельзя больше содействовали тому, что вся его деятельность, как выражается Петр Петрович в своих «Мемуарах», превратилась в нем в активную гуманность. Все его силы направлены были на борьбу со злом; он боролся с грабителями, с пьянством, с взяточничеством, со злоупотреблением помещичьей властью. Он первый приходил на помощь крестьянам и материально, и личным своим участием во времена их случайных несчастий или стихийных бедствий. Не принимая на себя никаких выдающихся должностей — в крайних случаях он брал на себя лишь отдельные ответственные поручения, как например, в 1830 г., во время холеры, он проявил необыкновенную деятельность по устройству карантинных пунктов, введению санитарных улучшений и пр. К помощи его и заступничеству к нему обращались все обиженные, в особенности вдовы и сироты. «В семейную жизнь, — говорит Петр Петрович в «Мемуарах», — отец мой вносил столько активной любви, а мать столько сдержанности и разумного спокойствия, что наше довольно многочисленное и сложное семейство можно было считать идеалом семенного счастья».

Эта счастливая семья состояла из следующих лиц: отец и мать Петра Петровича, Петр Николаевич и Александра Петровна Семеновы, и их дети — старший сын Николай, впоследствии сенатор, переводчик Мицкевича и автор труда об освобождении крестьян*; дочь Наталия, впоследствии жена академика Я. К. Грота; и сын Петр, родившийся 2 января

* Семенов Н. П. Освобождение крестьян в царствование императора Александра II. Т. 1–3. СПб., 1889–1893.

1827 г., впоследствии Петр Петрович Семенов-Тян-Шанский, которому посвящен настоящий очерк; дедушка Николай Петрович и две бабушки: одна жена Николая Петровича, Мария Петровна, а другая мать жены Петра Николаевича — Наталия Яковлевна Бланк, и, кроме того, приемная дочь Петра Николаевича — Ольга Васильевна Корсакова, одна из отдаленных родственниц семеновской семьи, которая и воспитывалась в доме Семеновых наравне с родными детьми. При детях была немка Мария Христиановна, которая, впрочем, детей не воспитывала, а обязана была только разговаривать с ними на немецком языке, две няньки и еще несколько человек домашней прислуги, преимущественно из дворовых.

Образ жизни семьи был довольно патриархальный, но совершенно отличный от той косной патриархальности, в которой пребывала большая часть помещиков того времени.

Грамотой со старшими детьми занималась бабушка Марья Петровна по-старинному: аз, буки, веди... Петр Петрович только присутствовал при этих уроках, а его обучала грамоте впоследствии мать. После утренних занятий дети играли, причем Петр Петрович не любил почти никаких игрушек, и главное его удовольствие было гулять в великолепном английском саду, где он собирал цветы, очевидно, унаследовав эту любовь к растениям от матери, и у него, не в пример брату и сестре, в сборе оказывались всегда самые редкие, самые интересные цветы всего сада. Любил очень Петр Петрович ездить в лес с отцом и матерью, где родители давали детям объяснение разных явлений природы, чем особенно интересовывали Петра Петровича. В зимние вечера, когда нельзя было гулять в саду, Петр Петрович играл с братом и сестрой в лото географическое и историческое, изучал географические карты, висевшие в детской и, в сущности, скучал по природе.

Семейство Семеновых жило открыто, имея для того достаточные средства. У них часто собирались гости, большею частью родственники из губерний Рязанской, Тамбовской, Орловской, Тульской, а также и знакомые из Москвы и Петербурга. Из соседей бывали Кропоткины, — один из представителей которых, Петр Алексеевич, сверстник Петра Петровича, был впоследствии известным географом и революционным деятелем, анархистом по убеждениям, — Бунины, Свиридовы, Зверинские, Ракитины, Кикины и др. Бывали и литератор Шаликов, директор театров Шаховской, отставной офицер Ваксель. Поэтесса Анна Петровна Бунина, по болезни поселившаяся близ села Урусова, в с. Денисовке, была крестной матерью Петра Петровича и в один из своих приездов подарила крестнику свой пе-

ревод Блера с английского с надписью: «Дорогому крестнику Петеньке Семенову в чайнии его достославной возмужалости». По этому поводу Петр Петрович в своих «Мемуарах» замечает, что «это была первая и из несметного количества книг, мне впоследствии подносимых их авторами и переводчиками».

Все собиравшиеся в усадьбе Семеновых гости охотно ездили в Урусово, так как дом Семеновых представлял собою настоящий культурный центр для всей округи. Тут всегда были в большом количестве газеты и журналы и всякие новости из артистического и художественного мира, который так любил отец Петра Петровича. Все эти литературные и театральные новинки присылались в Урусово дядей Петра Петровича, Василием Николаевичем Семеновым, братом его отца, бывшим в то время цензором, а впоследствии попечителем Кавказского учебного округа*. Отец любил декламировать и всегда читал вслух очень хорошо вновь появившиеся произведения Пушкина, Жуковского и др. поэтов. Дети вместе со старшими заслушивались отца и, увлекаясь вместе с ним поэзией, выучивали наизусть многие стихотворения. Особенно весело было детям, когда приезжали Бунины и дядя Василий Николаевич Семенов, тогда устраивались различные остроумные забавы и затеи, в которых участвовали вместе с детьми и старшие.

Но это счастливое детство скоро окончилось для Петра Петровича.

В 1832 г. отцу понадобилось по хозяйственным делам поехать в тамбовское имение его жены, Петровку, Липецкого уезда. По дороге туда заболел его слуга, и он, ухаживая за ним, сам заразился тифом. По получении об этом известия мать Петра Петровича тотчас выехала к заболевшему мужу, но не нашла его уже в живых. Это так потрясло организм матери, что она сразу заболела нервной горячкой с воспалением в мозгу. Она находилась в состоянии беспамятства несколько дней подряд и только изредка приходила в сознание... Это было началом ее страшной мозговой болезни, которую она страдала еще целых 15 лет после смерти мужа.

Болезнь матери была для окружающих тем тяжелее, что она все время протекала с постоянными переменами то к лучшему, то к худшему. В ее болезни бывали периоды, и довольно продолжительные, когда она казалась совершенно здоровою и нормальной, и тогда она, возвращаясь к жизни, принималась за дела по хозяйству и здесь проявляла все свои недюжинные способности по управлению имением и даже предпринимала далекие по-

* О нем см.: *Грот К. Я.* Василий Николаевич Семенов, литератор и цензор // Пушкин и его современники. Вып. 37. Л., 1928.

Каждое воспоминание о Петре Петровиче приводит нас неизбежно к самым выдающимся эпохам развития знания и культуры, когда он приступал к намеченной себе научной программе жизни. Для всех нас, имевших возможность общения в течение долгих лет с Петром Петровичем, этот величавый старец был живым выразителем и образом того всеобъемлющего научного движения, о котором мы знали только по книгам, а он сам был законным преемником; в его лице угас один из прямых «законных наследников могучего царского дома, говоря словами Ханыкова, расширивших все далее и далее пределы завещанного им царства человеческого знания и ума».

Пусть же мои слабые слова послужат сохранению образа Петра Петровича для тех поколений географов и геологов, которые начнут свою самостоятельную деятельность после его кончины.

П. П. СЕМЕНОВ ТЯН-ШАНСКИЙ КАК ИССЛЕДОВАТЕЛЬ- ПУТЕШЕСТВЕННИК*

*Я. С. Эдельштейн***

В своей речи Ю. М. Шокальский только что дал нам яркую характеристику географических заслуг покойного Петра Петровича.

Позвольте мне в дополнение к этому остановиться вкратце на другой стороне научной деятельности Петра Петровича, а именно на его геологических исследованиях.

Разумеется, говорить о значении только геологических работ Петра Петровича, не касаясь весьма замечательных трудов этой удивительно богато одаренной и разносторонней личности в других отраслях естествознания и в частности в географии, представляется задачей не особенно легкой, чтобы не сказать невыполнимой; и я не знаю, сумею ли я достаточно удовлетворительно справиться с этой задачей. Ведь не приходится, в самом деле, закрывать глаза на то, что ореол славы, которым окружено имя Петра Петровича, зиждется, таким образом, не на его заслугах, или, вернее,

* В сборнике 1928 г. была помещена статья Я. С. Эдельштейн «П. П. Семенов-Тян-Шанский как геолог», которая представляла собой сокращенный вариант речи, произнесенной Эдельштейном на общем собрании членов РГО 14 января 1927 г. В данном издании приводится первоначальная речь Эдельштейн, текст которой хранится в Научном архиве РГО. См.: Научный архив РГО. Ф. 58. Оп. 1. Д. 73. Л. 1–40. — *Прим. ред.*

** *Яков Самойлович Эдельштейн* (1869–1952) — геолог и географ, с 1925 г. профессор Ленинградского государственного университета. Действительный член РГО (1900); член Совета РГО (1927–1930); ученый секретарь РГО (1931–1938). Лауреат малой золотой медали РГО (1904) за работы по исследованию физико-географической природы и геологического строения в различных частях Азиатской России и Манчжурии, премии им. Н. М. Пржевальского (1905) за путешествие в хребет Петра Великого и в Дарваз. — *Прим. ред.*

не на одних его заслугах перед геологической наукой. Петр Петрович, как известно, не был геологом в тесном и узком смысле этого слова. Разносторонне образованный натуралист, особенно глубокий знаток энтомологии, первоклассный географ, крупный общественный и государственный деятель, сыгравший столь видную роль в реформе по освобождению крестьян от крепостной зависимости, бессменный блестящий вице-президент, фактический председатель Русского географического общества в течение нескольких десятилетий и, наконец, талантливый вдохновитель и организатор столь многих перворазрядных научных предприятий этого общества как будто заслонили и отодвинули на второй план в лице Петра Петровича ученого геолога в собственном смысле этого слова. А между тем именно геологические труды в свое время легли в основу всей научной деятельности этого замечательного человека. И я позволю себе утверждать, что одних достижений Петра Петровича в области геологии, помимо других его заслуг и деяний, было бы вполне достаточно, чтобы навсегда сохранить его имя в памяти русской науки.

Убедиться в справедливости сказанного только что возможно, впрочем, лишь путем правильного освещения, сделанного Петром Петровичем в исторической перспективе.

Современному поколению может показаться странным и даже маловероятным, что всего лишь 70 лет тому назад большая часть Центральной Азии была известна европейскому ученому миру ничуть не лучше, если не хуже, чем внутренние страны Южной Америки или Африки. В действительности же дело обстояло именно так. И как раз между прочим наименее изученными, вернее совершенно неизвестными, оставались те области Центр. Азии, которые прилежали непосредственно к границам тогдашней Российской империи, а отчасти даже входили уже в ее пределы. Правда, уже в первой половине девятнадцатого века появляются один вслед за другим два капитальных сводных труда по географии Азиатского материка, принадлежащие перу величайших ученых того времени — именно «Азия» К. Риттера (относящаяся к 1830 г.) и «Центральная Азия» А. Гумбольдта (1841). Оба эти произведения слишком хорошо известны географам, чтобы здесь о них нужно было распространяться. Еще и теперь они невольно поражают читателя глубиной научного содержания и мастерством изложения. Но при всей своей талантливости и даже гениальности и К. Риттер, и А. Гумбольдт не могли, конечно, совершить чуда; а чудом по тому времени было бы, несомненно, если бы на основании тех сбивчивых, часто туманных

и противоречивых данных, которые они могли почерпнуть из описаний случайных путешественников и китайских источников, им удалось уловить правильную картину морфологии и геологического строения центрально-азиатских областей. И следует ли при таких условиях удивляться или досадовать на то, что сочинения К. Риттера и особенно А. Гумбольдта стали источниками некоторых в корне неверных представлений о геологической природе центральноазиатских стран — представлений, получивших, благодаря непререкаемому авторитету этих корифеев естествознания, широкое распространение в кругах научного мира Европы?

Здесь приходится особенно отметить, помимо общих не согласующихся с реальными соотношениями схем морфологии и внутренней структуры центральноазиатских нагорий, одно кардинальное заблуждение, роковым образом вкравшееся в великое научное творение именно А. Гумбольдта: это его убеждение в существовании в Центральной Азии, в частности в горах Тянь-Шаня, действующих вулканов.

К идее о наличии в горных хребтах Тянь-Шаня вулканических явлений А. Гумбольдт пришел на основании данных, сообщаемых китайскими источниками. И хотя в непреложной истинности этой своей идеи он не сомневался, однако замечательно, что до самых последних дней жизни его не покидало не то что сомнение, а какое-то беспокойное чувство, нечто вроде предчувствия, заставившего его с необыкновенным интересом и волнением ждать того момента, когда из этих неведомых стран будут ему наконец доставлены исследователями достоверные геологические сведения. Недаром он говорил, что умрет спокойно лишь после того, как увидит перед собой обломок от скал небесного хребта — Тянь-Шаня. И вот, действительно, на склоне его лет скорее в данном случае суровая, чем милостивая судьба познакомила его в лице Петра Петровича с тем именно человеком, которому предстояло осуществить это заветное желание великого старца, но вместе с тем и нанести сокрушительный удар его излюбленной теории.

Во второй половине прошлого века Берлин являлся средоточием крупнейших географических научных сил того времени. В Берлинском университете читал тогда лекции по географии 70-летний К. Риттер. Здесь же жил престарелый А. Гумбольдт, продолжавший, несмотря на свои 84 года, неугомонно работать и живо интересоваться проблемами геологии и географии Азиатского материка.

Как раз в этот период сцепление трагических личных обстоятельств привело в Берлин и Петра Петровича. В сфере научной работы он и тогда

уже далеко не был новичком, и, в частности, уже к тому времени вполне отчетливо успели определиться и его интересы к географическим и геологическим проблемам. Петр Петрович являлся одним из весьма активных работников и сочленов незадолго перед тем возникшего Русского географического общества. Силами членов Общества и его средствами переводилась на русский язык «Азия» К. Риттера, которую предположено было издать с дополнениями, и во главе этого трудного дела был поставлен как нельзя более удачно Петром Петровичем. Работа над риттеровой «Азией» глубоко захватила Петра Петровича. Из него выработался лучший знаток географии Азиатского материка; и в то же время для него выяснились с поразительной ясностью все пробелы имевшихся в науке сведений о странах Внутренней Азии, особенно о таинственных горных системах небесного хребта — Тянь-Шаня; и вот в нем созревает мысль отдать все свои недюжинные силы заполнению этого пробела.

Чрезвычайно характерно, как подошел к осуществлению этого своего заветного плана молодой ученый. Свое уже и без того достаточно обширное и разностороннее образование он все же считает далеко не достаточным для исследователя натуралиста. Свое пребывание за границей он — только что оправившийся от тягчайшей болезни и жесточайших душевных потрясений — спешит использовать, не щадя ни сил, ни времени, на пополнение своего научного багажа. Он поступает слушателем в Берлинский университет; он быстро сходится и знакомится с целым рядом выдающихся профессоров и молодых ученых, и общение с этими лицами оказывает самое благотворное влияние на дальнейшее развитие его научного мирозерцания. Выдающиеся дарования и знания Петра Петровича вскоре обратили на него всеобщее внимание берлинских ученых: К. Риттер, у которого он слушал лекции и в беседах с которым неоднократно обсуждал планы своего будущего путешествия в Центральную Азию, считает его гораздо лучшим знатоком Азии, чем самого себя, и за всякими справками по Азии отсылает интересующихся к Петру Петровичу. Несомненно, еще более глубокое значение для Петра Петровича имело личное знакомство и беседы с А. Гумбольдтом. Великий старец чрезвычайно заинтересован планом путешествия Петра Петровича в Тянь-Шань, ожидая от этого путешествия полного подтверждения своих излюбленных теорий вулканизма; на некоторое время он и сам, молодой русский ученый, становится горячим последователем этой теории. Параллельно с этим Петр Петрович ведет и серьезную кабинетную, и именно геологическую работу. Под ру-

ководством профессора Бейриха он производит обработку палеонтологического материала из каменноугольных отложений Силезии, и плодом этой обработки является обстоятельная монография (типа диссертационных работ) о брахиоподах силезского каменноугольного известняка, напечатанная в *Zeitschrift der deutschen geologischen Gesellschaft* за 1854 г.; нужно ли упоминать здесь о том, что и в других отраслях естествознания, в физической географии, в минералогии и пр. Петр Петрович значительно усовершенствовал свое образование во время пребывания в Берлине, занимаясь у таких выдающихся профессоров, как братья Розе и профессор Дове. Но если, таким образом, жажда теоретического образования могла быть Петром Петровичем в значительной мере утолена пребыванием в таком центре научной мысли, коим являлась в ту эпоху столица Пруссии, то все же, несмотря на совместные с геологами-профессорами экскурсии по Германии, он чувствовал недостаточность знакомства в натуре с нашими явлениями природы, с которыми он мог рассчитывать встретиться при своих будущих путешествиях по Азии, именно с вулканическими и ледниковыми. И вот мы в 1854 г. видим Петра Петровича сначала знакомящимся путем личных наблюдений во время пеших экскурсий с ледниками Швейцарии, а затем столь же неутомимо, деятельно и вдумчиво изучающим вулканические области Италии. И здесь, как и в Германии, он не упускает случая пополнять свои знания путем живого личного общения и бесед с итальянскими учеными и профессорами.

Таким образом, после с лишним двухлетнего пребывания за границей Петр Петрович возвращается на родину вполне сложившимся ученым, чрезвычайно солидно подготовленным геологом, с тем изумительно разносторонним и широким запасом знаний, который так характерен для передовых ученых той эпохи.

В 1856 г. Петр Петрович получает, наконец, возможность приступить к исполнению своего заветного плана. По разным причинам ему приходится избрать для этой цели несколько кружный путь. Он направляется сначала в Алтай и здесь предварительно совершает ряд экскурсий в западной части этой горной страны. Но вскоре мы видим его уже направляющимся мимо восточной оконечности озера Бонхок, через Копальский хребет, Джунгарский Алатау и долину Или к подошве тянь-шаньских хребтов. Недавно перед тем основанное укрепление Верное у северной подошвы Заилийского Алатау он избирает исходным пунктом для своих достопамятных экспедиций в разные части Тянь-Шаня в 1856 г. и в следующем 1857 г.

Осуществление этих экспедиций приходилось проводить в обстановке весьма необычной, требовавшей от путешественника не только выдержки, выносливости и находчивости, — и бесстрашия, и готовности подвергать серьезной опасности свою жизнь на каждом шагу. Между отдельными многочисленными родами киргизов, кочевавших в горных долинах Или, Чу, Иссык-Куля и др., кипела кровопролитная междоусобная брань. Силою обстоятельств малочисленные казачьи отряды, стоявшие в пограничных укреплениях, вынуждены были ко вмешательству в эти распри. Район исследований как раз и являлся целиком ареной этой борьбы. В каждом ущелье, в каждой лощине горсть смельчаков, во главе с Петром Петровичем пробиравшаяся в глубь Тянь-Шаня, рисковала наткнуться на шайку враждебных киргизов и подвергнуться такой же участи, какая несколько раньше постигла Адольфа Шлагинтвейта при его попытке пробраться к Тянь-Шаню из Кашгарии или Северцова во время его поездки к истокам Сырдарьи. Нужно было, помимо того, что называется обычно счастливой звездой, сочетание изумительной энергии, настойчивости и талантов, чтобы довести до счастливого конца все эти путешествия и т. обр. блестяще разрешить одну из величайших географических и геологических проблем.

Здесь нет возможности, да едва ли и нужно подробно описывать все маршруты Петра Петровича по Тянь-Шаню. Достаточно напомнить, что уже в 1856 г. ему удалось покрыть довольно густой сетью маршрутов собственно Заилийский Алатау и его южную цепь, известную под названием Кунгей-Алатау, названием, географическую рациональность которого, однако, Петр Петрович отрицает, побывать на восточном берегу Иссык-Куля, пройти по долине Чу через знаменитое Буамское ущелье и западному концу Иссык-Куля и вернуться обратно в Верный поперек через обе цепи Заилийского Алатау. Меньше чем через год после зимовки в Зап. Сибири (в Барнауле) мы видим его вновь в горах Тянь-Шаня, на этот раз в более южных и восточных частях его. Плато Санташ в горных возвышенностях к востоку от Иссык-Куля послужило ему на этот раз отправной базой для проникновения в тянь-шаньские хребты. Добравшись до южного берега Иссык-Куля, он отсюда по скалистым поперечным долинам пересекает вкрест северную цепь Тянь-Шаня, известную под названием Терскей-Алатау, и через высокий перевал Зауну-Даван проникает вплоть до истоков Нарына. Несколько позже он предпринимает новое путешествие, в результате которого ему удастся после смелых и трудных переходов проникнуть далеко на восток в самое сердце Небесных гор и первому из ученых иссле-

дователей вступить на склоны исполинской горной группы Тянь-Шаня Хан-Тенгри, где он увидел громадные ледники, питающие истоки Тарима, ледники, в самом «существовании которых, — говорит он, — я сам, признаюсь, прежде сомневался».

Научные результаты этих путешествий нельзя не назвать в полном смысле слова замечательными. По отношению к Тянь-Шаню Петр Петрович явился своего рода Колумбом, открывшим этот таинственный и интереснейший уголок Центральной Азии для науки. Правда, в некоторых отношениях эти результаты оказались неожиданными и для самого исследователя. Так, красивая теория Гумбольдта о действующих вулканах в Небесных горах рассеялась, как легенда при соприкосновении с трезвым научным исследованием. Тщетно искал Петр Петрович и в долине Иссык-Куля и Или, и в Куладже, и в горах вулканические явления и новейшие вулканические породы — их нигде не оказалось. Мнимые сольфатары оказались ничем иным, как проявлением подземных пожаров залежей каменного угля. Теорию Гумбольдта Петр Петрович разрушил без остатка, оказав так обр. неоценимую услугу делу понимания сущности вулканических явлений на земном шаре и правильного освещения геологической природы и геологической истории Тянь-Шаня.

Но если от вулканизма в Центральной Азии после путешествий Петра Петровича не осталось ничего, то взамен того перед изумленными взорами путешественника здесь развернулись во многих местах, но особенно в массиве Хан-Тенгри, картины таких размеров, о каких он не мог и подозревать. После прекрасных работ позднейших путешественников, особенно профессора Мерцбахера, мы знаем теперь, что эта группа ледников, Хан-Тенгри, по своим размерам является действительно одной из самых грандиозных в Азии. Часть ее открытия и первого посещения принадлежит, следовательно, целиком Петру Петровичу.

В сфере физической геологии наука обязана Петру Петровичу еще одним важным достижением. Он впервые тщательным наблюдением точно установил высоту снеговой линии в Тянь-Шане. Полученные результаты оказались настолько замечательными, что даже встречены были с некоторым сомнением А. Гумбольдтом. Известно, с каким достоинством к престарелому ученому опроверг эти сомнения Петр Петрович во введении ко II тому перевода «Азии» К. Риттера на русский язык.

Но, помимо всего этого, Петр Петрович явился первым ученым, заложившим прочный фундамент наших познаний о геологическом строении

Оглавление

Вступительное слово к сборнику по поводу столетия со дня его рождения — <i>Ю. М. Шокальский</i>	5
Петр Петрович Семенов-Тянь-Шанский — <i>С. Ф. Ольденбург</i>	7
П. П. Семенов-Тянь-Шанский. Биографический очерк — <i>А. А. Достоевский</i>	12
П. П. Семенов-Тянь-Шанский летом в деревне — <i>В. П. Семенов-Тянь-Шанский</i>	136
П. П. Семенов-Тянь-Шанский как географ — <i>Г. Е. Грум-Гржимайло</i>	154
П. П. Семенов-Тянь-Шанский как географ — <i>А. С. Берг</i>	158
П. П. Семенов-Тянь-Шанский как геолог — <i>К. И. Богданович</i>	166
П. П. Семенов Тянь-Шанский как исследователь-путешественник — <i>Я. С. Эдельштейн</i>	175
П. П. Семенов-Тянь-Шанский и Камчатская экспедиция 1908–1910 гг. — <i>В. А. Комаров</i>	197
П. П. Семенов-Тянь-Шанский как ботаник — <i>Н. И. Кузнецов</i>	201
П. П. Семенов-Тянь-Шанский и русская статистика — <i>А. А. Кауфман</i>	206
Деятельность и значение П. П. Семенова-Тянь-Шанского в области энтомологии — <i>Н. Я. Кузнецов</i>	216
П. П. Семенов-Тянь-Шанский как собиратель и исследователь голландской живописи — <i>Дж. А. Шмидт</i>	228

П. П. Семенов-Тянь-Шанский как коллекционер произведений графики — <i>Е. Г. Лисенков</i>	235
П. П. Семенов-Тянь-Шанский в исторической литературе. — <i>Д. Н. Шилов</i>	240
Библиография трудов П. П. Семенова-Тянь-Шанского и публикаций о нем — <i>Д. Н. Шилов</i>	253
Приложение 1. Награды П. П. Семенова-Тянь-Шанского и членство в общественных и научных учреждениях и организациях — <i>А. П. Семенов-Тянь-Шанский, Д. Н. Шилов</i>	272
Приложение 2. Список географических объектов, животных, растений, учреждений, организаций и др., названных в честь П. П. Семенова- Тянь-Шанского — <i>А. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. А. Богданов</i>	279
Приложение 3. Список портретов П. П. Семенова Тянь-Шанского — <i>А. П. Семенов-Тянь-Шанский, А. А. Богданов</i>	283

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

илл. 1–3; 5 — верхняя и средняя; 6–16: Научный архив РГО, Научная библиотека РГО, Фотоархив РГО;
илл. 4: Предоставлено АО «Марка»;
илл. 5 — нижняя: Официальный сайт Центрального банка Российской Федерации: <https://www.cbr.ru/>.